

Эдриан Прайс / Adrian Price

В Небокрестности Джойса И Лакана

Этот текст был представлен в университете Коста Рики 7 ноября 2014 года по приглашению Dr Néfer Muñoz

В Bloomsday 1975 года по приглашению Жака Обера [Jacques Aubert] Лакан открывал пятый Международный Симпозиум по Джойсу в Сорбонне. Лекция Лакана была озаглавлена “*Joyce le symptôme*”. Его семинар того же академического года (Семинар XXIII: *Le sinthome*) был посвящен этой же теме.¹ Когда Обер попросил Лакана предоставить текст этой лекции для публикации в сборнике материалов Конференции, Лакан предоставил ему сильно измененную версию, которая и была опубликована в 1979 году в сборнике *Joyce & Paris*.²

Этим вечером я хотел бы вернуться к самому Семинару и к первой версии “*Joyce le symptôme*”, которая была расшифрована Эриком Лораном и опубликована Жаком-Аленом Миллером в 1982 году.³ Что поражает в чтении этой лекции вместе с чтением Семинара, так это то, что наиболее принципиальные моменты в течении года претерпели лишь незначительные изменения. Лакан совершает ряд открытий, который привели к практически незаметным изменениям его позиции, но основные важные замечания выделенные им из работы Джойса никоим образом не меняются с начала и до конца Семинара. И так, начнём с того, что еще до Семинара в отношении Джойса Лакан уже сделал два важных замечания, которые и определяли его исследование от начала и до конца.

¹ Lacan, J., *Le séminaire livre XXIII, Le sinthome*, 1975-1976, Paris: Seuil, 2005.

² *Autres écrits*, Paris: Seuil, 2001, pp. 565-570.

³ Опубликована с незначительными редакторскими изменениями в приложении к Book XXIII, pp. 161-169

Во-первых, в 1971 году в своём эссе “Lituraterre” Лакан спекулирует на тему того, что если бы Джойс принял приглашение пройти психоанализ у Юнга (который бы финансировался его тогдашним меценатом Эдитом Рокфеллером МакКормиком), то он определённо бы “остался с пустыми руками”, поскольку судя по той игре слов в его письме он уже был очень близок к “тому лучшему, что можно было бы ожидать от пройденного психоанализа”.⁴ Именно с этим утверждением семь лет спустя, в заключительной части “Joyce the Symptom (2)”, будут перекликаться слова Лакана о достигнутом Джойсом, “без обращения к опыту анализа (который мог бы завести его в тупик)”⁵, впечатляющем мастерстве в произведении того “будоражающего” эффекта, присущего *jouissance*, когда оно было избавлено от смысла и стало “непроницаемым”. Отталкиваясь от этого первого замечания я хочу показать связь между непроницаемостью *jouissance* и симптомом, но не любым симптомом, а таким, с которым мы имеем дело в конце процесса анализа, симптомом освобожденным от смысла и сведённым до остаточного ядра удовольствия.

Второе упоминание Джойса до лекции в Сорбонне можно найти в Семинаре “Ещё”. В конце лекции от 9 января 1973 года Лакан предлагает формулу для той тщательной игры слов, которая имеет место в работах Джойса: “означающее начинено означающим”. Лакан пользуется словом *truffer*⁶, то есть буквально “трюфельная начинка”.

Чтобы разобраться с этой формулой, нам необходимо вспомнить о том, что Лакан с ранних 1950х пользовался словарем, заимствованным им у Соссюра: означающее - такой элемент, который приобретает смысл лишь в различии со всеми остальными элементами; означающее восполняет языковой знак указывая на соответствующий элемент, скрепляя таким образом означивание и возможность смыслового эффекта. Дистанция между сугубо символической сущностью (означающим) и рождаемым ею значением (означаемом) отмечена разделительной чертой, которая и подчёркивает их фундаментальное различие.

⁴ Lacan, J., “Lituraterre” in *Hurly-Burly*, Issue 9, 2013, p. 29.

⁵ Lacan, J., “Joyce le symptôme (II)”, *op. cit.*, p. 570.

⁶ Lacan, J., *The Seminar Book XX, Encore*, New York: Norton, 1998, p. 37.

Также стоит напомнить, что уже у Соссюра отношения между означающим и означаемым носили сугубо произвольный характер. Ряд комментаторов оспаривали однозначный характер этой произвольности. Лакан в своём Семинаре “Ещё” говорил о том, что произвольность не самая подходящая характеристика этой связи, и что лучше говорить о ней как о “соотнесённости” между тем, что лежит под чертой и над ней. Говоря о “произвольности” связи Соссюр подразумевал что ничто в означающем не предопределяет его к связи с неким определённым означаемым, о чём очевидно говорит то бесконечное разнообразие различных слов, которые в разных языках означают одни и те же объекты. Именно по этой причине учрежденная Соссюром лингвистическая наука шла нога в ногу с запретом на поиски в диахроническом измерении неких примордиальных связей между означающим и означаемым, на поиски, которые могли бы в итоге завести в сторону спекуляций об адамическом языке, на котором говорили еще до смешения языков, описанном в XI главе Книги Бытия. “*Natursprache*” Якоба Буме является одним из примеров таких эзотерических спекуляций, которые не миновали и Лейбница. Эти рассуждения опираются на веру в то, что язык создан для того, чтобы производить смысл, который может быть сообщён, то есть речь идёт о такой модели, в которой язык представляет из себя код. Позиция Лакана совершенно иная: язык учреждается “набором двусмысленностей, которым его история не даёт исчезнуть”⁷. И потому, как не существует никаких подлинных или естественных знаков для объектов мира (как например, в “Кратиле”), так и любое кажущееся единство языкового знака в итоге оказывается фальшивым.

Учитывая это радикальное раз-согласование означающего и означаемого, Лакан и обращается к структуралистской модели языкового знака, для того чтобы дать описание той операции, которую проделывает с языком Джойс. Он замечает что в “*Finnegans Wake*” мы имеем дело с “телескопированием” означающего, когда слова различным образом складываются друг в друг, а означаемое более не служит конвенциональной функции производства устойчивых смысловых эффектов. Означаемое оказывается загадочным. Лакан уподобляет означающее в “*Finnegans Wake*” описке, *лятсусу*, в психоанализе, таким образом, призывая, в первую очередь, читателя распутывать эту неразбериху из означающих. Тем не менее, это *чтение* никогда не достигает полной *расшифровки*, поскольку тот смысл, что может быть

⁷ Lacan, J., “L’étourdit” in *Autres écrits*, *op. cit.*, p. 490.

обнаружен, неизменно бледнеет по сравнению с тем мощным эффектом, который оказывает взаимозамыкание означающих. Лакан замечает, что это взаимозамыкание производит такой же экономический эффект как то удовлетворение, которое было обнаружено Фрейдом в замыканиях, что производятся остротами и каламбурами.⁸

Именно на это Лакан и указывает своей формулой “означаемое начинено означающим”. Означаемое более не выражает отдельных смысловых объектов, утверждений или концептов, оно просто возвращается к непроницаемому удовлетворению, которое оно вытягивает из означающего. В этом смысле, о *truffer* у Лакана мы можем сказать, что означающие проходят через означаемое как вода сквозь решето. Означаемое остаётся загадкой.

И так, эти два замечания выдвинутые Лаканом в начале семидесятых полностью определяют устройство его подхода к Джойсу. Этим вечером я постараюсь показать вам как в течении академического 1975-1976 года работа Лакана над его первоначальными наблюдениями велась таким путём, что всё, что было им обнаружено или достигнуто, тем не менее, не ушло от этих изначальных посылов.

Расшифровка бессознательного или чтение симптома

Прежде чем погрузиться в текст, нам следует обратить внимание на то, с какой заботой, Лакан подходил к изучению Джойса, избегая, при этом, психобиографического прочтения. Что такое психобиография? В некотором смысле, её можно описать следующими словами: она учреждает интерпретацию субъекта на основании того текстового материала, который был им оставлен. Это подразумевает следующие два аспекта: что субъект в облике субъекта держащего речь отсутствует, поскольку он наличествует лишь посредством записанных или же зафиксированных следов, и что этот субъект в оставленных им следах неким образом выдаёт то знание о себе, о котором он сознательно не догадывался. Другими словами, эти тексты якобы содержат что-то из бессознательного субъекта. Есть нечто противоречивое в таком

⁸ “Удовольствие от остроумия, вытекающее из такого «короткого замыкания», оказывается тем большим, чем более чуждыми являются друг другу оба круга представлений, приведенные в связь тождественным словом, чем дальше они лежат друг от друга, чем больше, следовательно, удастся экономия мысленного пути благодаря техническому приему остроумия” Фрейд, Остроумие и его отношение к бессознательному

понятии бессознательного, которое остаётся доступным для чтения в отсутствии говорящего субъекта. Фундаментальным принципом психоаналитической практики является то, что она позволяет субъекту говорить, что она побуждает его говорить таким образом, чтобы развивать этику речи. Без этого говорящего субъекта анализ как таковой бесполезен. Психобиография отделяет (или же пытается отделить) бессознательное субъекта от того, что им проговаривается. Делая это, она выносит знание субъекта в такое место, которое ему недоступно, предполагая, что таким образом о субъекте можно узнать больше, чем он сам знает о себе. И потому она прямо противоречит психоаналитическому дискурсу, в котором любое знание, которое лежит на стороне аналитика, “контролируется” тем фактом, что оно может не иметь прямого отношения к субъекту. Знание аналитика - это, в сущности, знание предполагаемое, которое и позволяет субъекту говорить о том, что он знает. В конечном итоге, когда психоанализ используется в целях психобиографии, то это оказывается медвежьей услугой не для самого субъекта (который похоже выпутывается из этой ситуации без последствий), но для психоанализа как такового, за который принимается видимость метода или же неразборчивая теория, которую можно применить к чему-угодно.

Джойс не позволяет расшифровывать его текст по типу классического фрейдовского подхода к бессознательному. Даже учитывая перенасыщенность биографическими деталями таких текстов как “Портрет молодого художника” или же “Улисс”, произведённая им переработка материала его жизни в материал его искусства отмечена столь значительной замысловатостью, что превращает в бессмыслицу любые попытки сведения различных нитей повествования к разборчивым историям, которые бы изолировали исходные истории конкретных событий его жизни. Стоит сказать, что хотя это и относится к любому достойному художнику, но в отношении Джойса следует заметить, что он культивировал особенные отношения с его читателями, интерпретаторами и теми, кто пытался бы расшифровать его текст, временами отправляя их ложными путями. Лакан часто ссылаясь на признание Джойса о том, что тот хотел бы занять исследователей его творчества на три сотни лет вперёд. Сам Лакан, определённо, опасался быть захваченным этим омутом, предлагая нечто большее, чем простое дополнение к той горе материалов исследований об этом писателе. Но этот эффект омута не является таким, который позволил бы заметить бессознательное. Напротив, его работа “не даёт

никаких шансов ухватить что-либо из вашего бессознательного”. Если вы и находите что-то ценное в письме Джойса, то это располагается на уровне симптома, а не на уровне бессознательного.

Выпавшее воображаемое

Основным мотивом Лакана к изучению Джойса в 1975 году было его продолжающееся исследование природы именованного и имён собственных. Вместо того, чтобы исследовать то, как Джойс говорит о себе в персонаже Стивена Дедала, Лакан в первую очередь обращает внимание на те имена, которые выбирает Джойс.

Имя “Дедал”, конечно же, восходит к хитроумному мастеру из греческих мифов, но уже в финале “Портрета...” Джойс больше идентифицирует себя с сыном, а не с отцом, - с Икаром, сыном, который встречает свои злоключения отбившись от отцовского пути, пытаясь достичь высот. Икар “рухнул” пытаясь подлететь как можно ближе к солнцу. Джойс совершает ещё одну интересную авто-номинацию в этом пассаже из финала “Портрета”. Она называет себя “зуйком” [англ. lapwing]. Зуйк - это такая птица, которая летает своеобразным неорганизованным образом, но которая, чтобы отвлечь хищников от яиц в её гнезде, будет скакать по земле и махать крыльями так, словно одно из них подбито. Lar тут тоже что и в “lapse” (промах) или “lapsus” (ошибка), которые происходят от латинского *labi*, что значит “падать” или “промахиваться”.

“Портрет” - это история Джойса о том, как он, скажем так, выпал из католичества. В одном из последних эпизодов, который отмечает Лакан, одноклассники Стивена избивают его за то, что он “еретик”. Джойс пишет, что он был “pinioned”, что буквально значит, что его руки были связаны позади него, но это слово также означает и подрезание крыльев птиц. На метафорическом уровне Стивен был зуйком, чьи крылья были подрезаны в результате его отклонения от общего курса.

Лакан обращает внимание на суть этого промаха, этого подрезания. Он подчеркивает, что после этого эпизода с избиением Джойс пишет, что более не

чувствует гнева в отношении его преследователей, и он явно говорит о том, что его гнев спадает с него “с такой же легкостью, как снимают мягкую спелую кожу”. Эта метафора Джойса конденсирует аффект и внешний покров тела. Учитывая, что аффекты - это, по существу, феномены которые принадлежат регистру воображаемого, другими словами, они имеют место, когда тело подвергается воздействию ввиду его воображаемого устройства, потому Лакан понимает это описываемое Джойсом разоблачение как ничто иное как сбрасывание тела как такового.⁹ Тут стоило бы упомянуть факт того, что Джойс предоставил своему другу Стюарту Гилберту таблицу с пояснениями к каждой главе “Улисса”, в которой каждой главе соответствовал орган тела, кроме первых трёх глав, глав о Стивене, поскольку Стивен “ещё не имел тела”.

Эго устроено также как и проективная плоскость, контуры которой определены зеркальным образом тела. По крайней мере, такова классическая версия эго, фрейдского *Ich*, которое полагается на нарциссической модели зеркальной идентификации. Мысль Лакана заключалась в том, что Джойс не был связан такой формой эго, что он мог позволить ей пасть, выпасть, как что-то для него необязательное. Действительно, можно заметить, что этот мир аффектов, сантиментов, соперничеств и прочего не особо заметен в творчестве Джойса. Классическая версия *Ich* во французском языке - “le moi”, а в английском - “me”. И этого *moi* в Семинаре XXIII вообще нет.

Лакан не читает это падение, эту осечку, подрезание крыльев как метафору. Он воспринимает это буквально, и, в этом отношении, он уходит далеко за границы психологизирующего подхода, в котором бы за Джойсом предполагался некий опыт травмы или нарциссической раны по причине этого избиения. Мысль Лакана тут более радикальна: не было никакой нарциссической раны, поскольку самому нарциссизму было позволено выпасть. Говоря на языке Лакана, регистру воображаемого было позволено выпасть. И потому вопрос, который стоял перед Лаканом, звучал следующим образом: с чем Джойс остался? Что у него осталось для того, чтобы поддерживать психическую реальность? Какова была природа той

⁹ Г. Морел [G. Morel] приводит список связанных происшествий из “Портрета”, в которых гнев или же resentment отмечают подобное некоему внешнему сбрасываемому с тела слою. Детальнее: “A young man without an ego: a study on Joyce and the mirror stage”, in Adams, P. (ed.), *Art: Sublimation or Symptom*, 2003, pp. 137-8.

ошибки, которая сопутствовала этому падению? И каким образом это падение могло быть исправлено или же приведено в порядок?

Борромеев узел: неверное именование

Прежде чем заняться этими вопросами, нам следует обратиться к двум другим предложенным Лаканом регистрам: символическому и реальному, или, если быть точнее, тому, каким образом они связываются друг с другом.

Уже в начале 1970х Лакан начал уделять всё больше внимания тому, что он тогда называл Борромеевым узлом. Если устройство того, что Фрейд называл “психической реальностью”, Лакан ранее пытался понимать с помощью геометрии и топологии, или, точнее, топологии поверхностей и плоскостей, то начиная с 1970х он обращается к новому способу им-пли-кации [im-ply-cation], в котором это пли [ply] уже не связано с плоскостью, а располагается ближе к *pli*, складке.

Когда субъект приходит в анализ, он пересказывает свою историю, которая выглядит как клубок нитей, очень напоминающих ту массу связанных вместе тросов на полу фотографии Джеффа Уолла “Untangling” [Распутывание], и требуется некоторое время прежде чем удастся выбрать то место, в котором можно будет ухватить какую-то нить и вытащить её, чтобы хоть как-то начать всё распутывать. Но, если быть более точным, это больше вопрос выяснения тех точек, в которых случайным образом вещи лучше оставить связанными, поскольку нетерпеливое распутывание этого клубка может привести к выпадению субъекта. Это действительно может произойти. Деликатность аналитика состоит в выработке представления о том, что можно отсечь и срезать, а что стоит оставить связанным. Аналитик обращается с этим сплетением как математик, пытаясь увидеть минимальное число его основных *точек пересечения*. Речь идёт о том, что математики называют “минимальной проекцией” узла или зацепления, сокращенной версией, лишенной тривиальных петель.

Борромеев удел - это фигура из трёх колец, которая расположена на гербе семьи Борромео. Эти кольца связаны вместе в “Брунново зацепление” (по имени немецкого математика Германа Брунна), и это значит, что они связаны вместе таким образом, что

если разрезать одно из них, то и оставшиеся кольца расцепятся - это, так называемое, Брунново свойство. Борромеево зацепление - это наиболее простой вариант Бруннова зацепления с наименьшим числом элементов (3) и наименьшим числом пересечений (6).

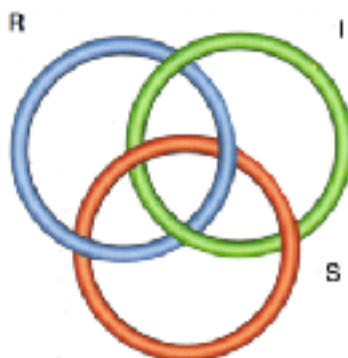

Figure 1 (L6a4/Rolfsen 6³₂)

С помощью указания числа элементов и пересечений зацепления можно классифицировать. Существуют различные системы нотации, классификации и изображения узлов и зацеплений. Например, Борромеевы кольца обозначаются как L6a4 (в нотации Thistlethwaite). “L” означает что элементы образуют зацепление, “6” - количество пересечений, “a” - перемежающийся тип пересечений. Только цифра “4” тут несёт условный характер, и отмечает что это одно из 4 зацеплений, в которых есть 6 пересечений. Другой распространенной системой нотации является система Александра-Бриггса, которая была расширена в классификацию Рольфсена. В ней Борромеево зацепление пишется как 6 с 3 в верхнем индексе и 2 в нижнем индексе. Опять же, “6” - это количество пересечений, а “3” - это уже количество элементов. Число в нижнем индексе опять же условно, и оно указывает, что существует как минимум еще одно такое зацепление с 6 пересечениями и 3 элементами.

Лакан не пользуется этими нотациями, да и его словарь в начале семинара был неточным, так как Борромеевы кольца он называет “узлом”. Строго говоря, “Борромеев узел” - это неверное именование, о чём Лакан узнал уже во время зимних каникул 1975 года. На первом же занятии 1976 года он замечает, что “зацепление - это не то же, что и узел”. Узел состоит лишь из одного элемента, тогда как зацепление - из двух и более. Так как в Борромеевых кольцах наличествует три элемента, то это

зацепление, а не узел. На Семинаре XXIII Лакан никогда полностью не учитывает последствий систематического именованя многоэлементных множеств “зацеплениями”, вместо “узлов”, что выразилось в том, что большая часть аналитического сообщества, рискнувших следовать за Лаканом в течении последних сорока лет, попали в ту же ловушку, оказавшись не в состоянии обратить внимание на те немногие моменты этого Семинара, когда Лакан исправляет себя, настойчиво обращаясь к правильной терминологии.

Второй аспект неверного именованя понятия “Борромеев узел”, связанный, по крайней мере, с теми ситуациями, когда Лакан пользуется им говоря о зацеплениях из четырёх и более элементов, заключается в том, что то, что Лакан называет “Борромеевым свойством”, в действительности связано с упомянутым ранее Брунновым свойством. Когда Лакан говорит о зацеплении связанном “по типу Борромеева”, то это соответствует критериям Бруннова зацепления, согласно которым минимальное число разрезов, μ , (то есть наименьшее количество разрезов достаточное для того, чтобы расцепить все оставшиеся кольца), и максимальное число разрезов, M , (наибольшее число разрезов достаточное для того, чтобы расцепить все оставшиеся кольца) данного сцепления равно 1. С помощью общепринятого определения Борромеева свойства ($\mu = 1, M > 1$) было показано, что Борромеева цепь состоящая из 4 элементов существует, если $M = 2$. Предложенное Лаканом определение совпадает с общепринятым лишь в том, что $\mu = 1$.

Тем не менее, с Лаканом и Джойсом мы входим в сферу, в котором само понятие “неверного именованя” не несёт в себе никакого смысла. Существует именование *tout court* и потому разве кто-то может претендовать на установление закона, определяющего корректность любого имени? Действительно, само использование Лаканом понятия “Борромеев узел” похоже приводит к одному неожиданному следствию. Как Лакан несколько раз отмечал в Семинаре XXIII Борромеево зацепление может быть трансформировано в узел, если склеить все внутренние точки пересечения.¹⁰ И это свидетельствует о том, что Лакана больше всего интересовали внешние точки пересечения Борромеевых колец, а не три внутренние, которые бесполезны в случае его обращения с этим зацеплением.

¹⁰ Lacan, J., *Le séminaire livre XXIII, op. cit.*, p. 42, p. 45, & pp. 86-7.

Figure 1a ($L6a4/Rolfsen 6^2$)

Figure 1b ($Rolfsen 3_1$)

Это колебание между трех-элементным зацеплением и трое-крестным узлом нашло своё выражение в новом именовании: *chainoeud*, которое можно было бы перевести как “зацеплезел”. Этот трое-крестный узел, который появляется в результате операции склеивания, это, так называемый, трилистный узел, наиболее простая форма узла, которую можно завязать. По сути это верхний узел, свободные концы которого были склеены. Этот узел, который вы создаёте каждый день, когда завязываете обувь, когда сворачиваете сигарету чтобы закурить, когда перевязываете нить после шитья, и так далее и тому подобное, собственно, во время любого из повседневных дел, которые кажутся настолько свойственными человеческому миру, несмотря на существование очень ловких рук и пальцев в некоторых частях животного царства, и готовым доступом к лозам и нитям в царстве растений. Безусловно, для этого простого узла требуется некоторое элементарное мышление, которое, похоже, опирается на своего рода символическое действие, которое форклюдировано для всех, кроме людей. Роль узлов, даже таких простых, в создании силков или же скрепления одежды, похоже, свидетельствует о том, что узел занимает исключительное место в фундаментальной человеческой деятельности.

Для Лакана этот трилистный узел или же то, что он слегка двусмысленно называет *noeud à trois* (в котором *trois* указывает скорее на элементы, чем на точки пересечения) является поддержкой “субъекта любого типа”. Говоря о “субъекте любого типа” Лакан имеет ввиду транс-структурный субъект. Он гарантирует, что реальное, символическое и воображаемое связаны вместе таким образом, что содействует субъекту. Если же любая из трёх точек пересечения нарушена, тогда узел

развязывается. Он перестаёт быть узлом. Подобно тому, как Борромеево зацепление из трех-элементного оказывается нулевым, если разрезать одно из колец, так и в трилистном узле вместо трех пересечений не остаётся ни одного. Другими словами, также как не существует Борромеева зацепления из двух элементов, так и не существует узла из двух пересечений.¹¹

Figure 2a (Rolfsen U^3)

Figure 2b (Rolfsen U_1)

Если трилистный узел даёт сбой, тогда можно предполагать, что мы имеем дело с чем-то подобным развязыванию шизофрении. Воображаемое, символическое и реальное оказываются разделены и личность исчезает. Воображаемое тела более не поддерживает, не порождает так называемых отрицательных симптомов пренебрежения телом или же галлюцинаторных феноменов, в которых органы или части тела представляются разъединенными. Символическое более не осуществляет метафоризации субъекта, своей репрезентационной функции. В то же время реальное становится местом означающих, которые были отброшены из символического, и которые как таковые не остаются в изгнании, а заполняют субъект. Это лишь пример того дедуктивного использования, которое узлы и зацепления, условно, могут предполагать.

Стоит также отметить то, что я сказал “развязывание шизофрении”, а не “развязывание психоза”. Трилистный узел, как минимальная поддержка “субъекта любого типа”, производит паранойяльную личность. В нём *воображаемое, символическое и реальное* неразрывны. Именно это и учреждает паранойяльную личность, как Лакан и описывал в Семинаре III: вначале некий очаровывающий элемент оказывается

¹¹ Figures 2a и 2b - это не минимальные проекции. Каждая из точек пересечения, в действительности, тривиальна.

изолирован в реальном (как в примере Лакана с красной машиной на улице); после чего будучи таким образом изолированным он обретает ценность означающего (“красная машина”); и, наконец, поскольку функция означающего состоит в поддержке означаемого, производится воображаемое означивание, даже если это не более чем *означивание означивания* (красная машина должна что-то значить, она что-то означает, только я не знаю что именно - это лишь значит, что она что-то означает).¹² В конечном итоге, воображаемое значение может снова выпасть в реальное, изолируя дополнительные элементы в поддержку того означивания, что было им вызвано.

Паранойяльный субъект может быть чрезвычайно надёжно и хорошо функционирующим субъектом, даже если и с определённой динамикой. Именно это и приводит к некоторой проблематичности в диагностировании паранойи ввиду отсутствия явных разрывов или же явно демонстрируемого бреда. Паранойяльный субъект - это субъект рассуждающий и разумный, который понимает и добивается вашего понимания. В случае паранойи вещи осмысленны. Именно поэтому Лакан замечает, что порой единственный диагностическим подспорьем в случае паранойи является некая диалектическая инерция. Паранойяльная личность захвачена неразрывностью реального, символического и воображаемого, что и приводит к ригидному циклическому канализированию.

Измерение именованного

Лакан вводит дополнительный элемент, который может быть добавлен к существующим трём для того, чтобы гарантировать функционирование этого закрытого множества как невротической или псевдо-невротической структуры. Согласно предложенной Лаканом в Семинаре XXIII логике сцепления, этот четвертый элемент может объединять как три не связанных элемента, как это происходит в шизофрении, так и противостоять диалектической инерции паранойи, благодаря введению гетерогенной сущности. Также этот дополнительный элемент может быть вторым в случае развязанного трилистного узла, производя таким образом L7a1.

¹² Lacan, J., The Seminar Book III, The Psychoses, London: Routledge, 1993, p. 9. / Лакан, Психозы, стр. 17

Этот связующий элемент идентичен тому, что Лакан называл симптомом, или же пользуясь найденным им в этимологическом словаре Блока и вон Вартбурга [Bloch and von Wartburg] понятием - *sinthome*.

Figure 3a

Figure 3b (L.7a1/Ralfsen 7².)

Согласно словарю первое упоминание этого понятия было в 1945 году. Лакан утверждал, что слово *sinthome* было “старым способом” произношения слова симптом, но, похоже, оно было скорее *hapax legomenon*, которым пользовался только Бернард де Гордон в своей медицинской инкунабуле “Fleur de Lys en medecine”.¹³ Уже в текстах Рабле (лишь несколькими годами позже Гордона), который также был врачом, *sinthome* было преобразовано в *symptomate*, которое больше соответствовало как современной форме, так оригинальной греческой конструкции. Лакан обращается к греческой этимологии “случайности”, отмеченной Блоком [Bloch] и вон Вартбургом [von Wartburg]. Слово “*ptom*” буквально значит, что что-то “приключается”, что-то, что отмечено как *syn-*, коэкстенсивная сущность. В данном случае этой коэкстенсивной сущностью является трилистный узел, обеспечивающий “субъект любого толка”. Симптом выпадает на долю субъекта как некое гетерогенное влияние. Он интегрирован, но никогда до такой степени, чтобы стать консистентным или же эквивалентным наряду с тремя эквивалентными и сопоставимыми элементами, которые мы знаем под именами реального, символического и воображаемого. Он скорее склонен казаться неким чуждым телом, которое часто переживается совмещенным с личностью, чем совпадающим с ней.

Первым примером, который Лакан предложит, этому четвертому элементу является Отец, в смысле Отца сведённого до Имени. Каждый последующий

¹³ В которой также можно обнаружить и прилагательные *sinthomaique(s)* и *sinthomatique*

предлагаемый Лаканом пример возможных четырех элементов будет иметь отношение к их именам. Традиционно говоря, Отец сводится до Имени постольку, поскольку оно конкретизируется в речи матери. В своей речи к ребёнку мать свидетельствует о стабильном ориентире в её желании с помощью постоянного обращения к определенному Имени. В этом отношении классическая отцовская метафора разрешает собой загадку, загадку материнского желания. Её желание и её *jouissance* объясняются Именем, которое устанавливается в противовес динамическим отношениям матери и ребёнка. Хотя я и сказал, что оно “разрешает” загадку, более верным было бы сказать о том, что одна загадка замещает собой вторую, о том, что устанавливается загадка фаллического означивания. Фаллос возникает как означаемое на месте Другого. Фаллос избирается явным означающим этой операции, потому что он ссылается на то свойство отца, которое никоим образом не раскрывается в материальном смысле. В отличие от потенциального волнения *означивания означивания*, которое мы находим в параноидальном механизме, фаллическое означающее функционирует как последний элемент, якорь, для дальнейшего развития означивания. Загадка *разрешается* без предоставления *решения* как такового: она свидетельствует о сексуальном *jouissance*, поддерживая при этом загадочный характер этого *jouissance*.

Основным качеством фаллического означающего, согласно замечанию Лакана, является то, что оно “призвано обозначить всю совокупность эффектов означаемого”.¹⁴ Фаллическое означающее “обуславливает” эти эффекты смысла: оно “сообщает желанию основание”. У этого множество следствий, начиная с часто находящего подтверждение факта, что благодаря экивоку очень легко добавить фаллическое или сексуальное значение к чему-угодно, и заканчивая, например, той поддержкой, которую это означающее может оказывать когда субъект призывается на ту роль, которая соответствует мужчине или женщине, в сексуальном или социальном смысле. В более общем смысле, оно порождает “*jouissance* воображаемого тела”, которое “поддерживает некоторое число разрывов”, разрывов “которыми учреждаются различные объекты заполняющее” это тело.

¹⁴ Лакан, Значение фаллоса

Возвращаясь к этим темам в 1971 году Лакан отмечает, что как Имя-Отца, так и фаллос - это имена собственные. В это время он смещал фокус своего внимания с принципиально франкофонной структуралистской традиции Соссюра-Дюмезиля-Якобсона-Бенвениста к англо-немецкой традиции логики обозначения и исследований Фреге, Рассела, Страусона и Карнапа. Другими словами, он отходил от дихотомии означающее-означаемое, чтобы серьезней заняться проблематикой дихотомии имя-референт. Тем не менее в этом вопросе он опирался не на упомянутых авторов, а на американского философа Соула Крипке [Saul Kripke], чьи лекции о “Именовании и Необходимости” в Принстоне были переведены одним из молодых коллег Лакана, Франсуа Реканати [François Resnati].

Имена собственные, не говоря уж о множестве типов имен нарицательных, как например терминах естественного типа [англ. natural-kind terms], не только именуют объекты, но и вводят измерение реального. Именно это подразумевается Лаканом, когда он говорит о “реализме имени” (в отличии от “номинализма реального”). Это не имеет никакого отношения к именованию реального (что заведомо не достигает своей цели), речь идёт о том, что сам акт именования, парадоксальным образом, вводит *jouissance* своим основным референтом. Что важно, это измерение именования не имеет ничего общего с тремя регистрами: воображаемого, символического и реального. Оно может воспользоваться любым из них, но, тем не менее, это использование будет происходить из некой четвертой позиции. Из чего следует наличие сходства между именем и симптомом:

$$\Sigma \approx N$$

Для позднего Лакана Имя-Отца - это столько же Имя данное Отцом, сколько и его Имя.¹⁵ Имя-Отца вводит *jouissance* как свой референт, потому Лакан постоянно настаивал на том, что у его статьи “Значение Фаллоса” всегда должно быть и второе название: её немецкий вариант - “Dei Bedeutung de Phallus”. *Bedeutung* - это референт, обозначение, что предполагает более прочную связь между именем и его референтом, чем та, с которой мы имеем дело в значении. Лакан даже будет заявлять, что фаллос -

¹⁵ Lacan, J., *Le séminaire livre XXIII, Le sinthome, op. cit.*, p. 22. Этот вопрос развивается Лаканом на занятии от 11 марта 1975 в *Le séminaire XXII, R.S.I.* (unpublished).

это единственный *Bedeutung* в языке, потому как все остальные названия терпят неудачу в их попытках ухватить реальное, возвращаясь к отношению означающего-означаемого с присущим ему метонимическим скольжением. Фаллос - это единственное означающее, прочно утвердившееся на пересечении символического и реального. Значение фаллоса уже вторично, это лишь расширение фаллического означивания на эффекты смысла “в целом”, с подразумеваемым ими измерением воображаемого.

И так, как заметил Эрик Лоран, сколь бы устойчивым *Bedeutung* фаллоса ни был, эта фундаментально произвольная связь между означающим и означаемым столь же произвольна и в отцовской метафоре: “Коллапс старого режима и поддерживаемой им веры в Отца, вместе со скоплением в индустриальных мегаполисах ранее не смешивавшихся форм родства, — всё это в итоге привело к обнаружению произвольного характера природы Отца”.¹⁶ Джойс родился именно в таком мире, и всё говорит нам о том, что он не разделял этой веры в Отца. Следуя каламбурными тропами Лакана в Семинаре XXIII можно сказать, что *произвольность* [англ. arbitrariness] знака обычно замещается *волей* [англ. arbitration] высшей власти, *судьёй* [англ. umpire], который простирает своё *господство* [англ. empire] и на тело.¹⁷ Джойс, похоже, сделал всё возможное для того, чтобы сбросить ярмо такой *власти* [англ. imperium].

Мы оказываемся на развилке нашего эпистемологического пути. Мы можем пойти путём психобиографии, размышляя о том, что форклюзия отцовской метафоры у Джойса была связана с его нерадивым отцом-алкоголиком, который доверил воспитание своего старшего сына отцам-иезуитам, вместо того чтобы заняться им самому. Это путь отцовского “отречения” как условия форклюзии Имени-Отца у сына. В некоторой мере Лакан следует этому пути на Семинаре XXIII, но лишь затем, чтобы

¹⁶ Эрик Лоран, “Психоз или радикальная вера в симптом”. Эта гипотеза о “падении отцовского имаго” (Autres écrits, op. cit., p. 60) свидетельствует ни о чём ином, кроме как о перестановке системы, которая согласно гипотезе Холдена [Holden] и Мейса [Mace] впервые произошло в доисторический период с переходом от охоты и собирательства или агрикультуры к животноводству. Необходимость защиты скота учредила более сильные отцовские и братские связи, что они и увидели в современных племенах банту в Африке, в которых с распространением пастьбы происходит утрата мантрилинейности с ростом патрилинейных систем родства. (Holden, C., & Mace, R., “Spread of cattle led to the loss of matriliney in Africa: A co-evolutionary analysis” in *Proceedings of the Royal Society B* 270, 2003, pp. 2425-2433.)

¹⁷ Lacan, J., Le séminaire livre XXIII, Le sinthome, op. cit., p. 19.

указать на то, как следует читать иной путь, на котором материальность творчества Джойса воспринимается как свидетельство наличия четвертого элемента, успешно связывающего три регистра воображаемого, символического и реального, пусть и с некоторым упоминанием отцовской метафоры как условия фаллического *Bedeutung* jouissance. Более того, Лакан заявляет, что психическая реальность Джойса “в конечном итоге, основывается на такой структуре, в которой Имя-Отца оказывается не-обусловленным элементом”.

Ключевым моментов речи Лакана на его лекции в Сорбонне были его слова о том, что “существует иное название” для этого четвертого элемента, название, которое отличается от имени-Отца, - *sinthome*. Отец также может быть *sinthome*'ом, Отец - это элемент из категории *sinthome*, но существуют и иные способы воплощения *sinthome*, которые не подразумевают Имени-Отца. И так, относительно этого перехода от клиники, какой она описывалась в 1958 году, к клинике середины семидесятых можно сказать, что если прежнее Имя-Отца было таким символическим элементом, который при некоторых обстоятельствах мог быть форкюзирован из символического, результатом чего была дыра в символическом, то в поздней клинике символическое само по своей сути стало дырой, а Имя-Отца размещалось отдельно от него в четвертом измерении. Будучи Именем некоторые его свойства роднят его с символическим (имя - это означающее), но также оно обладает и собственными отличительными чертами. Таким образом, форкюзия в ранней клинике основывается на символическом элементе, форкюзирование которого приводит к нестабильности самого символического регистра, тогда как в поздней клинике символическое безусловно устойчиво и существует наравне с остальными регистрами, но изменяется ввиду специфического вмешательства четвертого измерения. А вот стабильность воображаемого оказывается наиболее сомнительным элементом.

В том, как Лакан читает Джойса, присутствует некая неясность, а точнее некоторое изменение его позиции в течении Семинара. На первом уроке Лакан говорил, что Джойсу приходилось “поддерживать Отца, чтобы самому жить”, но уже на четвертом уроке он замечает, что все эти отцовски-сыновьи аллюзии в “Улиссе” - это лишь ничего не стоящие уловки. И Лакан заключает, что Джойс “остаётся глубоко укоренён в своём отце, тем не менее, продолжая от него отрекаться”. Дальнейшее

развитие этот вопрос получит в конце занятия от 10 февраля: “Его собственное имя - это то, что Джойс ценит в ущерб отца”. (И потому речь более не идёт о поддержке отца, но о поддержке его собственного имени с помощью *sinthome*). Но потом, на занятии от 17 февраля, Лакан снова переиначивает эту формулу: “желая для себя имени [...] Джойс находит возмещение отцовской неудачи”. Лакан отмечает, что ни одно из этих определений не является удовлетворительным: то, о чём тут идёт речь, можно артикулировать куда лучше.

И так, обратимся к работе Лакана над *sinthome* через Имя и именование, имя, которое не является Именем-Отца.

Удвоение нарицательного и собственного

Эрик Лоран в его недавно опубликованной книге “Lost in Cognition” напоминает нам, что для более ясного понимания того смещения перспективы, которое Лакан предложил на своем занятии от 16 марта, его следует прочитывать в связи с комментариями Лакана на лекцию Жака Оберта [Jacques Aubert] для Фрейдова Поля, опубликованную в 4 номере “Analytica”.¹⁸ Лакан обращается к интересному свойству зацеплений, впервые обнаруженному Джоном Милнором [John Milnor] в 1954 году, и позже формализованным Р. Х. Бингом [R. H. Bing]. То, что впоследствии станет называться “Бинговым удвоением” [Bing doubling], показывает, что в некоторых ситуациях удвоения элемента зацепления, этот элемент мог бы связывать это зацепление так, что если бы он был одним, то связывание бы не удалось. Парадигматическим примером, к которому прибегает и Лакан на этом Семинаре, является удвоение элементов зацепления Уайтхеда [Whitehead link] $(L5a1 | 5^2_1)$, из которого убирается кручение Уайтхеда (точка самоскрещивания восьмерки).¹⁹ Если бы в этом зацеплении было лишь два элемента, то исключение кручения Уайтхеда привело бы к тому, что зацепление бы распалось. В случае же удвоения элементов это зацепление превращается в четырёх-элементное борромеево зацепление $(L10n107)$.²⁰ В

¹⁸ Laurent, É., *Lost in Cognition*, London: Karnac, 2014, pp. 4-5.

¹⁹ Milnor, J., “Link Groups” in *Annals of Mathematics*, Vol. 59, issue 2, 1954, pp. 177-196; cited in Lacan, J., *Le séminaire* livre XXIII, op. cit., p. 122.

²⁰ Фактически это то зацепление, в котором $M = 2$.

отношении подобных операций математики говорят о “хирургии” [перестройка Морса] узловой точки.

Figure 4: Reproduction of Milner's doubling of the components in the Whitehead link (prior to removal of Whitehead torsion)

Лакан обращается к этому хирургическому свойству, чтобы выдвинуть гипотезу о том, что он называет “удвоенным воображаемым, воображаемым безопасности”.²¹ Эрик Лоран замечает, что такое удвоение воображаемого связано с описанным ранее на этом Семинаре XXIII удвоением проминализации. И так, давайте рассмотрим это более детально.

Начнём с фамилии. Джойс, по словам Лакана, хотел, чтобы она “жила вечно” [англ. endure forever]. Лакан возвращается к сказанному им ранее в начале “Lituraterre”, чтобы сосрить о том, что имя “Joyce” само по себе представляет из себя двусмыслицу имен собственного и нарицательного. Собственное имя “Joyce” соскальзывает в нарицательное “joy” (подобно тому как и фамилия Фрейда означает “радость”).²² “Joy” содержит в себе тот же латинский корень, что и “jouissance”, и, в этом смысле, отмечено ликующими характеристиками некоторых форм *jouissance*. Когда Лакан называет Джойса “Джойсом Симптомом” [Joyce the Symptom], он тем самым указывает на факт того, что Джойс превращает свою фамилию в нечто большее означаемого с означаемым, она теперь функционирует как фаллическое означаемое, как *Bedeutung* отмечающий *jouissance*. Лакан несколько раз подчеркивает это. Имя “Джойс” - это не означаемое связанное с означаемым, оно стало неким привилегированным означаемым вследствие того, что Джойс “достиг крайней точки

²¹ *Analytica* Issue 4, 1977, p. 17.

²² Лакан говорит об этом на его лекции по случаю годовщину рождения Фрейда, 16 мая 1956 года. (Лакан, Психозы, стр. 308)

воплощения симптома в себе”. Именно это и означают слова Лакана о том, что с предоставленным им именем собственным “Джойс Симптом”, Джойс “должен был осознать себя в измерении именованья”. Следует отметить неясность этих слов Лакана. Лакан не говорит, что Джойс признал бы это наречение “Джойс Симптом” подходящим прозвищем, он предполагает, что Джойс был бы чувствителен к этому лакановскому акту адресованному ему в измерении именованья. Он был бы чувствителен к достигнутому Лаканом *Bedeutung*. Это, конечно же, гипотеза. Но она является фундаментом лакановского подхода к Джойсу.

Как только мы выдвигаемся на поиски собственных имён Джойса в его работах, то сразу обнаруживаем их бесконечный ряд: Dedalus, Iarwing, Kinch, Shem the Penman, Neco (идентифицированный Жаком Обером²³), - для Лакана важно не само следование за этой чередой имён, но замечание того, что “сам факт возможности нагромождения целой стопки этих имён приводит нас к тому, что таким образом осуществляется возвращение имени собственного к именам нарицательным”.

Мы знаем, что Джойс обращал внимание на эти смещения имен нарицательных и собственных. Лакан цитирует известную историю о картине, на которой был изображён город Корк, которая висела у Джойса дома на стене, и для того, чтобы найти ей подходящую рамку, из *Quercus suber*, Джойсу пришлось потрудиться. Фрэнк О’Коннор посетив как-то Джойса попал в эту расставленную перед ним ловушку, спросив: “Что это?”, - на что Джойс ответил: “Корк”. “Да”, - ответил О’Коннор, - “город я узнаю, но что это за рамка?” “Корк”, — снова повторил Джойс.²⁴

Другим примером, но уже обратного перехода (из имени нарицательного в имя собственное) является известный эпизод из шестой главы “Улисса”. Газетный журналист на похоронах записывает имена всех присутствующих и спрашивает Блума: “вы не знаете этого типа, ну там вон стоял, еще на нем...” На что Блум отвечает: “Макинтош. Да, я его видел”. И журналист записывает фамилию МакИнтош и в спешке уходит.

²³ Aubert, J., “Passed over stories” in *Hurly-Burly* Issue 4, 2010, pp. 167-84.

²⁴ Cork - это и название города, и английское слово означающее “пробка, кора пробкового дерева”

Эрик Лоран утверждает, что подобная подмена имён создаёт дыру: Джойс демонстрирует как “нарицательное означивание языка может быть осуществлено различными способами. Оно даже может быть организовано сугубо из дыр.”²⁵ В “Finnegans Wake” каждое слово является “буквой размещенной в сильно сингуляризованных сетях”. Это не тот случай, когда фаллос с помощью фаллического означивания заражает смыслом “в целом”. Тут процесс трансформации преобразовывает каждое существительное в имя собственное, указывающее на “самого сновидца”, которого в этой книге не найти. И именно это в свою очередь позволяет этим именам собственным снова стать именами нарицательными, “именами собственными того своеобразного языка, который нам предназначено расшифровать”.²⁶

Эта плюрализация имен собственных отражена и в самом названии книги, в котором отсутствие апострофа указывает на множественное число финнеганов “Finnegans”, имя, заключающее в себе парадокс сочленения “*fin*”, “end” и “again” - закончить снова. В самом названии повторяется циклическая структура книги, в которой последнее слова “*fin mot*” отсылает к её началу.

Если Джойс действительно возвышал своё имя собственным творчеством, стремясь сделать его чем-то большим “чем господское означающее”, тогда это следует отличать от привычной практики выбора псевдонима, который и будет продвигаться в общественном поле. Джойс добился сингулярной трансформации *означающих* в имена, которые удвоились как имена нарицательные и имена собственные, с сопутствующим этому уникальные референтным провалом между позицией автора и jouissance текста.

В этой точке нам стоит напомнить о различии между “именем собственным” и “собственным существительным”, которое имеет место в современной лингвистике. Это различие более действенно в английском языке, поскольку во многих других языках слова для имени и для существительного обычно идентичны. “Имя собственное” существенно сингуляризирует собственное существительное, поскольку оно может использоваться в отношении различных сущностей или же личностей. Что

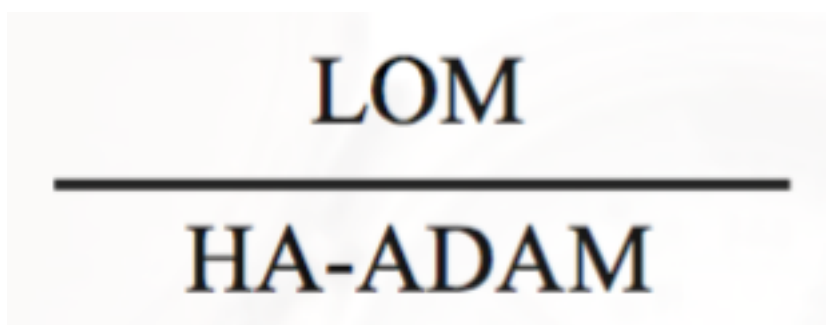
²⁵ Laurent, É., Lost in Cognition, op. cit., p. 6.

²⁶ *Ibid.*, pp. 13-14.

часто приводит к согласованию означающих и введению некоторых форм дейксиса или индексности. “Джойс Симптом” достигает этого - он сингуляризирует в той мере, что им отрицается одиночная вещь, множество состоящее лишь из одного элемента. Это концепт лишенный возможности развития, расширения, о чём и говорил Жак-Ален Миллер на своём курсе 2008 года “*Choses de finesse*”.²⁷ Будучи *интенциональным*, в противоположность *экстенциональному*, у него есть шанс коснуться “чего-то реального”.²⁸

Подобие означивания, различие указания

На фоне представленной ранее оговорки, ляпсуса, давайте перейдём к до-оговорочному исследованию темы именованя в Книге Бытия. И хотя Лакан отдаёт должное запрету Соссюра на реконструкцию адамического языка, это не остановило его от исследования структуры Божественного Сотворения в том виде, в каком она представлена в первых трёх главах Книги Бытия. Внимание Лакана привлекает имя собственное - “Адам”. В древнееврейском тексте этих глав можно найти понятие *Ha-adam*. *Adam* буквально означает “человек” с сопутствующей этому слову двусмысленностью “человечества” вообще и “этот парень”. Ввиду наличия определенного артикля *Ha* Лакан предполагает, что сам акт именованя, совершенный Яхве, созвучен определением индекса у Пирса. Всё дело в “этом человеке”. Лакан копирует этот индекс с помощью своего собственного перевода: *LOM*. *LOM* - это имя собственное, которое происходит от французского существительного *homme* (человек), которому предшествует определённый артикль *l’*.

²⁷ Miller, J.-A., § “Kipling’s cat” from “The Unconscious and the Symptom”, in *Hurly-Burly*, Issue 5, 2011, pp. 42-44. See also §16 from Miller’s “Notice de fil en aiguille” in the appendix to Lacan, J., *Le séminaire livre XXIII*, *op. cit.*, pp. 236-8.

²⁸ Lacan, J., *Le séminaire livre XXIII*, *op. cit.*, p. 152.

Стоит обратить внимание на эту двусмысленность, с которой мы имеем дело тут на уровне означивания, особенно учитывая отсутствие в этом древнееврейском тексте таких современных орфографических конвенций как заглавные буквы, дефисов или апострофов. Грехопадение человека, его ошибка - это ляпсус, оговорка, поскольку грехопадение Адама - это одновременно и грехопадение всего человечества.

Невольно задаёшься вопросом о судьбе женщины.²⁹ Лакан говорил о том, что существует “*femmes chez LOM*” - и это истерички, те, которые *faire l'homme*, играют роль мужчины. Лакан продолжает изучение текста Книги Бытия и находит еще одну двусмысленность. В 2:18, и в 2:20, мы обнаруживает загадочное выражение *ezer k'enedo*. В Библии Короля Якова используется “*an helpmeet for him*”, “помощник ему подобный ему” [русский синодальный перевод], и большинство переводов в дальнейшем делали выбор в сторону подобного перевода этих строк. Но это *k'enedo* - не столь простое слово. Во всём Старом Завете оно встречается только в этой главе. В действительности оно значит что-то близкое “в противоположность”. В любом случае, во французском переводе Библии, сделанном Андре Шураки в 1974 используется “*une aide contre*”, “помощника ему, отличному от него”.

Если мужчина оказался зажат между сингулярным LOM “человека” и тотальностью всего человечества, то для женщины, по словам Лакана, определённый артикль не подходит. Соответствующая этому его формула приобрела определённую знаменитость: *La femme n'existe pas*. Эта формула отмечает, что даже если женщина будет выделена как “Та Самая”, “Единственная”, и тд, то это всё равно будет не лишено неопределённости. Лакан часто обращает наше внимание на одну определённую черту, характерную для некоторых мужчин, которые возводят своих благоверных до статуса “единственной”, что порой выглядит достаточно комично: например, тот оборот, который Лакан замечает в книге Джонса, описывающий отношения Фрейда с его женой: *ixorinous* - что значит “слишком сильно любит свою избранницу”. Вера в Женщину, похоже, всегда идёт рядом с некоторого рода излишне сильной любовью. Лакан диагностирует такую же привязанность в самой основе бед Гамлета, указывая на то что отцу Гамлета было свойственно нечто подобное куртуазной любви к его

²⁹ Убрано предложение об английских пертурбациях man - human: Latterly people have tried to get round the problem by using the term “human” or “humankind”, but that merely sidesteps the issue since these signifiers all share the same root.

жене, Гертруде: когда куртуазная любовь “возникает за пределами строго культурных и ритуальных условий [...] то это знак некоторых трудностей, связанных со столкновением с теми сложными путями, что подразумеваются доступом к настоящей любви”.

Лакан помещает Еву на стороне мифологической женщины, женщины, которой предшествует определённый артикль, той несуществующей Её. В то же время, он использует это “помощника ему, отличного от него” в отношении женщины, которая возражает тотализирующему *всему*. “Всё, но не то!”. Лакан обнаруживает более подходящую для описания женской позиции в отношении к ЛОМ как “но не то”.³⁰

Можно еще многое об это сказать, я же хотел вам продемонстрировать, что означающее, само по себе, способно производить неясности любого рода. Одного означающего “человек” недостаточно для создания стабильной сексуированной идентичности. Когда Лакан работал над логикой сексуации, он опирался на фаллическое означающее в той мере, в какой оно предоставляло единственное стабильное *Bedeutung*, вокруг которого и могли бы быть оформлены квантификаторы сексуального различия. И потому, когда Лакан занялся Джойсом, он естественно заинтересовался тем, кем для него была его жена. Женщина может быть симптомом мужчины: если он верит в неё, то она может функционировать как четвертый элемент,³¹ постольку поскольку она - неопределённая женщина, которая не попадает на место (определённой) Женщины. Такое промах был бы чреват также и смещением от веры в неё к веры ей, вере каждому её слову, что является ещё одним типом промаха, ляпсуса.

Похоже, что это не случай Джойса. Лакан приводит в пример один палиндром из “Улисса”: “Madam, I'm Adam” (рус. Мадам, я Адам), - и утверждает, что эта палиндромическая инверсия создаётся также и определённую инверсию мужчины и женщины. Что позволило ему позже сказать, что Нора, жена Джойса, была подобна вывернутой наизнанку правой перчатке на левой руке. Это не означает, что он верил в

³⁰ Lacan, J., *The Seminar Book X, Anxiety*, Cambridge: Polity, p. 334.

³¹ Lacan, J., lesson of January 21st 1975 from *Le séminaire XXII, R.S.I.*, in *Feminine Sexuality*, New York: Norton, 1982, pp. 168-170.

неё как в симптоме, и, более того, ничего не свидетельствует о том, что он был привязан к каждому её слову.

Так, во что же верил Джойс? Лакан задаётся этим вопросом в течении всего Семинара. Это его аналог более жесткого вопроса, который Лакан оставляет повиснувшим в воздухе: “Безумен ли Джойс?” Некоторые предоставляют Лакану привилегию ответа на этот вопрос, позволяя себе вернуться к его раннему учению, исходя из которого ввиду фороклюзии Имени-Отца, Джойс определённо должен быть психотиком. Если бы всё было так просто, то разве бы Лакан не сказал бы этого сам? Да, Лакан выделяет некоторые биографические элементы, например, как факт веры Джойса в то, что его дочь была телепатом, что кажется чем-то сильно странным, чтобы верить в это, и определённо не является чем-то таким, что называется здоровой мыслью. Но разве этого достаточно, чтобы говорить о безумии?

Мысль Лакана более тонка. Структура Джойса может быть уподоблена четырёх-элементному зацеплению, подобному невротической структуре. Она “подобна” невротической структуре, но сущность этого четвертого элемента сильно отлична от Имени-Отца. Она содержит некое измерение именованного, которое приводит к довольно необычным эффектам, которые вращаются между манией и сильной одержимостью, но, в то же время, учреждают стабильное кольцо, стабильное связывание, на которое Джойс может полагаться. И что он использует, чтобы учредить это связывание? Очевидно, что определенный артикль, который он оставляет в финале “Finnegans Wake”.

Ключевым элементом лакановского крещения “Joyce the Symptom” оказывается не Джойс, и не Симптом, а именно этот артикль “the”. Именно он и не позволяет психоаналитикам превратить Джойса в некую клиническую парадигму. Речь идёт об определенном “the” от “the artist”, как в “A portrait of the artist”, а не об “an artist”. В конечном итоге это “the” отмечает ту единичность, которую Лакан называет *Ego*, пользуясь латинским словом, которое обычно используется в английском переводе фрейдова *Ich*, в противоположность французскому *moi*. Это “*Ego* загадочных, компенсирующих функций”.³² Это своего рода воображаемое, но не то воображаемое,

³² Lacan, J., Le séminaire livre XXIII, op. cit., p. 153

которому Джойс позволяет выпасть (конвенциональное фрейдовское эго, основанное на зеркальном образе, которое производит иллюзию оппозиции внешнего-и-внутреннего), это такое воображаемое, у которого намного больше общего с первичным нарциссизмом *Lust-Ich*, которое не отмечено этим разделением внешнего-и-внутреннего.³³ Отсюда и впячивание перчатки, а также палиндромическая инверсия мужчины и женщины.

Ego - это *sinthome* Джойса, характерным измерением которого является измерение именованного. Это измерение можно помыслить как окрестность (англ. *neighbourhood*), в математическом смысле, как множество, которое окружает точку *Ego*, множество, которое включает существительные, которые заменяют собственное имя субъекта. Мы можем даже помыслить это как Небокрестность (англ. *Nebohood*, на рус. возможен также вариант "небоседство"), пользуясь тем складным словом из второй книги "Finnegans Wake", аллюзией на гору Небо, место погребения Моисея. Лакан также намекает на Небо, когда переименовывает Борромеев узел в *noued bo*. Мы можем сказать, что этим поступком он исправляет неверное название "Борромеев узел" и переприсваивает то, что было гербом семьи Борромео с помощью имени собственного, которым определяется его собственное изобретение.

В Джойсе примечательно то, что он не выказывает себя как личность потревоженную чуждым телом симптома. Напротив, его личность слипается с этим непроницаемым и гетерогенным элементом, оставляя субъективную поддержку I, R и S тем, чем она и является - лишь поддержкой. И, даже, можно предположить, что те, кто значили что-то в жизни Джойса (его жена Нора и дочь Люсия) могли занимать место этой вакантной поддержки, что и позволяло настоящие отношения различия, но в инвертной форме: его женщина не было симптомом - им был Джойс.

Сингуляризация композиции

³³ "Таким образом, оно из первоначального реального "Я" (Real-Ich), различавшего внутреннее и внешнее на основании объективного признака, превращается в чистейшее "наслаждающееся "Я"" (*Lust-Ich*), для которого признак наслаждения выше всего" (Фрейд, Влечения и их судьбы)

Лакан вводит в обращение это *noued Vo* на последнем занятии Семинара XXIII, на котором происходит ещё одно неожиданное изменение, к которому нас не готовили предыдущие 9 занятий.

С самого начала этого Семинара Лакан говорит о том, что кольца групп зацеплений могут быть заменены на прямые линии, уходящие в бесконечность. Это верно в том мере, в какой бесконечно прямые линии будут служить всё той же функции связывания в других элементах в квази-брунновом свойстве. Лакан замечает, что его коллеги-математики Сури [Souy] и Томе [Thomé], тем не менее, “осторожны и не пользуются” этой идеей.³⁴ Отказ от двух петель в пользу двух прямых линий означает также и исключение одной точки пересечения. Это заметно на двух предложенных Лаканом диаграммах, которые по его утверждению отображают идентичные формирования.

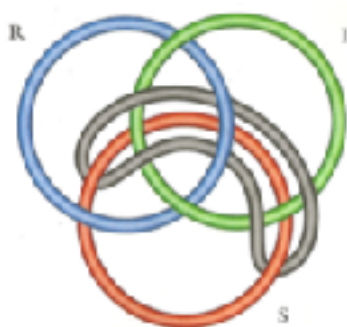

Figure 3a

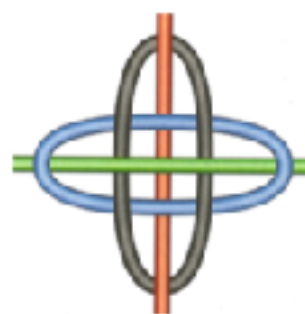

Figure 3c

Стоит отметить, что на диаграмме с петлями мы видим 14 точек пересечения, тогда как на крестообразной диаграмме - их только 13. В течении первых 9 занятий Семинара Лакан позволял нам думать, что в пересечении этих двух прямых линий в их идеальной точках бесконечности, они сформируют таким образом брунново зацепление, а не зацепление Хопфа.

Это предположение полностью опровергается на последнем занятии. Когда Лакан рисует зацепление, которое соответствует психической реальности Джойса, то на нём реальное и символическое оказываются связаны на манер зацепления Хопфа.

³⁴ Lacan, J., Le séminaire livre XXIII, op. cit., p. 114.

Figure 5: the Hopf link (L2a1/Rolfsen 2²₁)

Эта диаграмма идёт в разрез со всеми предыдущими диаграммами этого Семинара. Она полностью отличается от всех остальных четырёх-элементных брунновых зацеплений, которые Лакан рисовал на первых занятиях. Но, тем не менее, это всё ещё четырёх-элементное зацепление, четвертый элемент которого компенсирует выпадение воображаемого, которое имеет место при наличии лишь трёх элементов.

Figure 6 (L10a169)

Как Лакан поясняет этот новый способ рисования зацепления? Он утверждает, что Джойсу, по крайней мере в его эпифаниях, свойственна связанность реального и бессознательного. Замечая, что эпифании в работе Джойса обнаруживаются “на каждом шагу”, Лакан вторит ряду комментаторов Джойса, которые замечают сильное сходство между ранними неопубликованными дневниковыми записями (“Эпифании”, которые позже были изданы как “Герой Стивен” и “Дублинцы”) и более поздней литературной формой “Finnegans Wake”. С нашей стороны, мы могли бы отметить, что непривычная точка пересечения в образовании зацепления между реальным и символическим приходится на то же место, на котором находится фаллос в более

привычном трех-элементном Брунновом зацеплении. Также можно предположить, что Лакан приписывает ещё одну характеристику искусства Джойса, помимо его изобретения четвертого элемента *sinthome*, - скрепление реального и символического, которое обеспечивает их постоянное сцепление, независимо от того, что будет происходить на уровне воображаемого и симптоматического *Ego*.

Это исключительно уникальное структурное образование, которое раз и навсегда забивает гвоздь в гроб тех комментаторов, которые пытались найти в лакановском прочтении Джойса свидетельства хрестоматийного примера клинической структуры или же компенсаторного устройства. С аналитической точки зрения, это тонкое внимание Лакана к этим отдельным вариантам того, что проходит над и что проходит под, оказывается наиболее эффективным имеющимся в нашем арсенале способом различения между *impasse* и *Pass*: последнее отмечено заглавной буквой, что указывает на то, что это имя собственное, которое подходит той субъективной работе, на которую оно указывает.